
А.В. Григорьев

НАСЕЛЕНИЕ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И ДОНА В VIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI в.

Славянские земли, лежащие к востоку от р. Днепр, составляли значительную часть территории Древнерусского государства. К ним относятся Северская земля, земли радимичей и вятичей, а также район Верхнего Подонья. Согласно русским летописям, эти образования, а равно и поляне, изначально платили дань хазарам. Ситуация, сложившаяся в регионе в конце IX в., определяется письменными источниками не столь однозначно. Так, согласно русским летописям, северяне (884 г.) и радимичи (885 г.) перешли под власть киевского князя¹. При этом еще в середине X в. каган Иосиф относит эти земли к своим владениям². Не вносят ясности и сообщения Константина Багрянородного, который определяет отношения «славиний» с Киевом словом «пактиоты», что подразумевает договорные и/или даннические отношения³. Очевидно, что нарушение подобного пакта князем Игорем в отношении древлян, привело к его гибели. Согласно сообщению Льва Диакона, Игорь был убит не в битве, а казнен позорным для князя способом⁴.

Неполнота, а порой и противоречивость письменных источников актуализируют необходимость привлечения материалов археологии для реконструкции истории Левобережья Днепра этого периода. Славянские памятники, расположенные к востоку от р. Днепр, можно определить как «культуры роменского типа». Эта культурная общность имеет локальные варианты, такие как боршевский, на верхнем

---

¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 17.

² *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 98.

³ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 50.

⁴ *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 57.

Дону⁵, верхнеокский, «вятичский»⁶, «радимичский»⁷ и собственно «роменский», «северянский»⁸. Кроме того, внутри означенных групп памятники сильно различаются в зависимости от их хронологической принадлежности. Наблюдаются отличия и по микрорегионам.

Степень археологической изученности памятников по регионам весьма различна. Наиболее полно представлены материалы Северной земли. Здесь десятки памятников были исследованы археологами. Зачастую вскрытые площади составляли несколько сот, а иногда и тысяч кв. м. Ставшее «эталонным» городище Новотроицкое было раскопано полностью⁹.

Вторым по степени изученности можно считать район Верхнего Подонья «боршевского варианта» роменского культурного ареала. Сотношение этих славянских памятников, с каким-либо «летописным племенем» неоднозначно. Некоторые авторы на основании близости черт материальной культуры были склонны относить их к вятичам. Другие полагали, что местное население составляло отдельное образование, не отмеченное в летописи. Дискуссия не закончена и по сей день¹⁰. В любом случае славянское происхождение памятников и их близость ко всей группе роменского типа не вызывает сомнений.

Ранние поселения вятичей, до последнего времени были исследованы неудовлетворительно. Основное внимание археологов в «лесной земле» было сосредоточено на раскопках курганов¹¹. В последние десятилетия ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. Были проведены масштабные работы в междуречье Оки и Дона, в Калужском течении р. Оки, в низовьях р. Осетр¹². Появилась возможность вполне адекватно охарактеризовать материальную культуру местного населения IX–XI вв. В то же время до сих пор сохраняются «белые

---

⁵ Москаленко А.Н. Славяне на Дону. Воронеж, 1981; Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). Воронеж, 1995.

⁶ Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981; Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005.

⁷ Макушиников О.А. Гомельское Поднепровье в V — середине XIII в. (Социально-экономическое и этнокультурное развитие). Гомель, 2009.

⁸ Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992; Григорьев А.В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

⁹ Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. М.; Л., 1958 (МИА № 74).

¹⁰ Москаленко А.Н. Славяне на Дону. С. 20–22.

¹¹ Седов В.В. Ранние курганы вятичей // Славяно-русские древности. КСИА. 1973. Вып. 135. С. 10–16; Никольская Т.Н. Земля вятичей. С. 12–39.

¹² Григорьев А.В. Славянское население; Прошкин О.Л. Славянское освоение территории Калужского края // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Калуга, 2003. Вып. 4. С. 173–198; Коваль В.Ю. Поселение в устье Осетра близ Коломны // КСИА. 2001. Вып. 212. С. 59–68.

пятна» даже в общем учете памятников. Например, совершенно не исследована территория Орловской области¹³.

Наименее изученной остается земля радимичей¹⁴. В настоящий момент, здесь отмечено лишь 17 памятников роменского типа. Соответственно не разработана и сколько-нибудь приемлемая их типология и периодизация.

Первые достоверно славянские памятники, расположенные к востоку от р. Днепр, датируются VIII в., вероятно второй его половиной (Рис. 1 А). Они определяются по присутствию материалов так называемого волынцевского пласта древностей¹⁵. Для последних были характерны круговые горшки округлых форм с прямым вертикальным венчиком. Сосуды были выполнены из плотной, хорошо отмученной глины и имели качественный, вероятно, горновой обжиг. Их поверхность зачастую была залощена или покрыта пролощенным орнаментом. По технологии изготовления керамика этого типа близка качественной посуде салтовской культуры, но отличается от последней по форме. Помимо указанных сосудов, для комплексов памятников данного периода характерны находки фрагментов причерноморских амфор, орудий труда, конской сбруи и украшений степного облика¹⁶.

Однако керамика волынцевского типа в комплексах большинства исследованных памятников не превышала 5–15 %. Основная масса посуды представлена лепными сосудами, получившими затем прямое развитие в керамике IX — начала XI в. Постройки волынцевского периода также не отличаются от позднейших. Необходимо отметить, что в наборе украшений широко представлены изделия характерные для Подунавья¹⁷.

Почти все поселения этого, раннего периода были неукрепленными и располагались на первых надпойменных террасах. Исключение составляет городище-I у с. Битица¹⁸. Оно расположено на высоком коренном берегу р. Псел, имеет сложную систему укреплений и большую площадь (более 5 га, что значительно превышает площадь укреплений синхронного Киева). Выделяется оно и по полученному в ре-

¹³ См.: Археологическая карта России. Орловская область / Под редакцией Ю.А. Краснова. 1992.

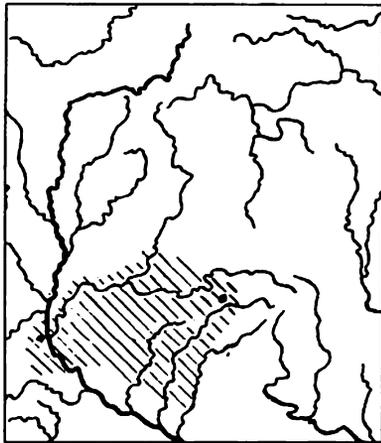
¹⁴ Макушников О.А. Гомельское Поднепровье. С. 22.

¹⁵ Григорьев А.В. Северская земля. С. 15–22.

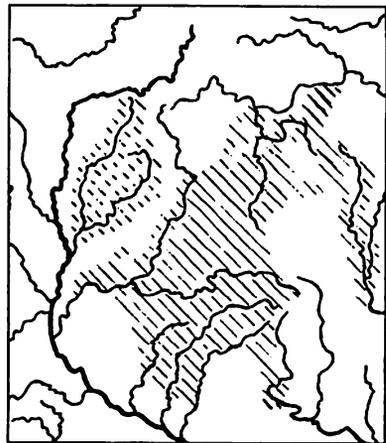
¹⁶ Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. С. 16–36; Григорьев А.В. Северская земля. С. 15–22.

¹⁷ Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 81–83.

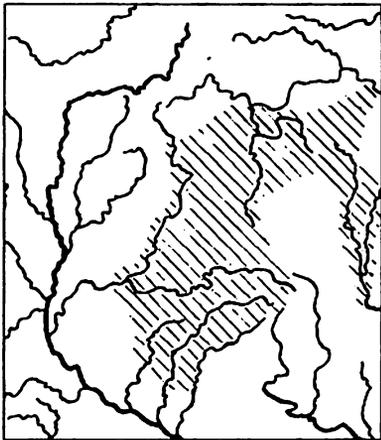
¹⁸ Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках волынцевского типа // СА. 1959. № XXIX–XXX. С. 58–83; Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. С. 125–133.

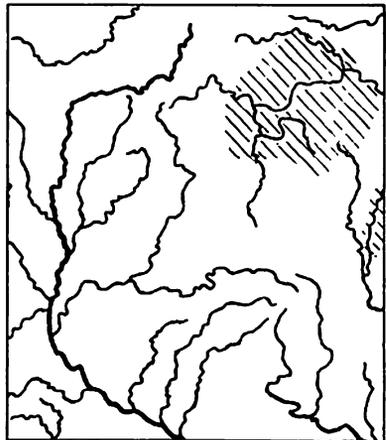
А

Б

В

Г

Рис. 1. Славянские земли подвластные Хазарскому каганату:

А — до начала IX в.; Б — до конца IX в.; В — до 965 г.; Г — территории, сохранявшие автономию от Руси до конца XI в.

зультате раскопок материалу. Большинство жилищ было «подквадратными» с печью в одном из углов, т. е. обычными для славянского населения этого времени, а часть жилых построек представляли собой округлые в плане сооружения. Подобные юртообразные жилища

были широко распространены на соседних степных территориях¹⁹. Качественная круговая керамика, в том числе амфорная, составляет более половины всего комплекса. Широко представлены орудия труда, конская сбруя, предметы вооружения (включая саблю), украшения. Характер памятника позволяет рассматривать его как центр, или один из центров, славянского населения хазарского каганата²⁰.

Памятники с материалами волынцевского типа распространены на территории большей части Северской земли, а также на небольшом участке правого берега р. Днепр. Количество известных ранних памятников невелико. На конец XX в. было известно не более 20 поселений и 4 могильника. Вероятно, эти памятники определяют территорию наиболее ранних данников Хазарского каганата — северян и полян²¹.

Сложившееся положение сохранялось вплоть до начала IX в. В первой четверти этого столетия ситуация резко меняется. В это время гибнет Битицкое городище, с памятников полян и северян исчезает волынцевский материал²². В то же время, с начала IX в., активизируется процесс расселения славян по территориям левобережья Днепра. В течение первой половины столетия они полностью осваивают Северскую землю, вплоть до верхнего течения р. Десны и верховьев р. Северский Донец. Памятники роменского типа распространяются по южной части земли вятичей, включающей Верхнюю Оку и ее притоки, проникают в Верхнее Подонье. Вероятно, к этому же времени относятся и ранние памятники в земле радимичей.

Быстрое освоение больших территорий при увеличении плотности населения вряд ли могло происходить за счет естественного прироста на уже освоенных землях. Логично допустить наличие второй волны миграции из западных регионов распространения славян. В пользу этого предположения говорит и наличие различий в материальной культуре северян, с одной стороны, и вятичей и донских славян — с другой.

Эти отличия прослеживаются в традициях сооружения печей и деталях погребального обряда. В жилых постройках Северской земли вплоть до конца IX в. основным типом отопительных сооружений бы-

---

¹⁹ Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

²⁰ Григорьев А.В. О славянских землях Хазарского каганата // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб. 2009 (Тр. Гос. Эрмитажа. XLIX). С. 215–216.

²¹ Петрашенко В.А. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 50; Григорьев А.В. Северская земля. С. 184–185.

²² Щеглова О.А. Салтовские вещи. С. 81–83; Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. С. 33–34; Григорьев А.В. Северская земля. С. 21–22.

ли печи, вырезанные в специально оставленном или сооруженном материковом останце²³. В постройках верхней Оки и верхнего Дона изначально сооружались печи каменки²⁴.

Погребальный обряд по всему левобережью представлен трупосожжениями совершенными на стороне. Подобный обряд вкуче с почти полным отсутствием инвентаря, крайне затрудняет датировку погребений. Остатки кремации собирались в сосуды (реже просто в виде кучки) и помещались под курганы. Однако в Северной земле урна, как правило, находилась в верхней части насыпи. Т.е. первоначально сооружался небольшой курган, возможно «столп» русской летописи, на поверхности которого устанавливался один или несколько сосудов. Позже курган досыпался²⁵. Вероятно, именно такой обряд — трупосожжение на стороне с последующей установкой урны на кургане — описывают арабские авторы X в.²⁶

В курганах вятичей и в Подонье урны устанавливались непосредственно на древнюю поверхность, после чего возводилось все сооружение. Кроме того, в этих землях отмечается широкое использование «домовин». В курган ставился сруб, в котором и находились остатки кремации. Одна стенка сруба оставалась открытой, что позволяло производить дозахоронения²⁷. Не исключено, что появление этого элемента обряда явилось наследием местного балтского населения, которому как предполагается, принадлежат памятники мощинской культуры²⁸.

Интересно отметить, что количество известных курганных групп во всех регионах значительно меньше количества поселений. Вероятно, это связано с характером погребального обряда. Небольшие размеры курганов, захоронения на уровне дневной поверхности или выше, привели к тому, что при распашке сооружения исчезали бесследно.

Указанные особенности в традициях населения Северной земли, с одной стороны, и других славянских земель междуречья Днепра и Дона, с другой, позволяют предполагать различия в их происхождении.

---

²³ Григорьев А.В. К вопросу о погребальном обряде северян VIII — начала XI в. // Питання археології Сумщини. Суми, 1990. С. 153–157, табл. I.

²⁴ Винников А.З. Славяне лесостепного Дона. С. 21–23; Григорьев А.В. Об этнической принадлежности височных колец «деснинского типа» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005. С. 36–37.

²⁵ Григорьев А.В. Северская земля. С. 109–115; Григорьев А.В. К вопросу о погребальном обряде северян.

²⁶ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р.Х.). СПб., 1870. С. 264–265.

²⁷ Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

²⁸ Седов В.В. Ранние курганы вятичей. С. 10–16.

В то же время, большая часть элементов материальной культуры по всему региону необычайно близка. Общими были традиции возведения укреплений, типы жилых и хозяйственных сооружений, керамика, типы орудий труда, вооружения и украшений.

Памятники роменского типа всегда привязаны к большим и малым рекам. На водоразделах они не известны. В научной литературе утвердилось мнение, что культуры данного типа — это «культура городищ»²⁹. Такое определение вполне понятно, поскольку городища имеют яркие внешние признаки, и потому фиксировались исследователями в первую очередь. Однако на современном этапе изучения можно уверенно говорить о том, что большая часть населения проживала на открытых поселениях. Последние либо примыкали к городищам, либо находились на некотором расстоянии от них. Также известны селища никак не связанные с городищами. Площади этих поселений в разы превышают площади городищ³⁰.

Городища и примыкающие к ним селища, как правило, располагались на высоких коренных берегах рек. При этом известны городища находящиеся на первой надпойменной террасе, в частности городище Монастырище у г. Ромны, давшее имя культуре³¹. Селища размещались на разных уровнях относительно рек — от поймы до третьей террасы.

Система укреплений на памятниках роменского типа достаточно универсальна³². Прежде всего, она подразумевала максимальное использование особенностей рельефа местности. Для постройки крепости выбирался либо мыс высокого коренного берега, либо, если это было возможно, останец. Таким образом, большая часть периметра (а в случае останца весь) была труднодоступна для противника. Верхняя часть склона искусственно подрезалась, эскарпировалась, на высоту около 2 м. Склоны городищ практически не исследовались, но все же были отмечены случаи, когда эскарп укреплялся деревянной облицовкой³³. С напольной стороны возводилась деревоземляная стена, при сооружении которой образовывался наружный ров. Отмечаются два способа возведения таких стен. Первый, более архаичный, представ-

---

²⁹ *Макаренко М.О.* Городище Монастирище // Науковий збірник історичної секції УАН. Київ, 1925. Вип. XIX. С. 5; *Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1961. С. 59, 309, 310 (МИА № 104).

³⁰ *Григорьев А.В.* Северская земля. С. 52–58.

³¹ *Макаренко М.О.* Городище Монастирище. С. 6–7.

³² *Григорьев А.В.* Северская земля. С. 58–76.

³³ *Григорьев А.В.* Укрепления городища у с. Горбово // Архітектурні та ареологічні старожитності Чернігівщини. Тез. докл. Чернігів, 1992. С. 40–44.

лял собой столбы с заложенными за них досками и забутованными землей, вынудившей из рва. Вероятно, именно такой способ строительства описан арабским автором X в. По его словам, славяне «выкапывают вокруг этого места ров, а выкопанную землю сваливают в вал, укрепляя его досками и сваями, пока стена не дойдет до желаемой высоты»³⁴. Подобный метод возведения стен был зафиксирован на городищах Опошня³⁵, Донецкое³⁶, Битица П³⁷, Путивль³⁸.

Вторым, более совершенным и более распространенным способом, была постройка ряда срубов, «клетей», забутованных землей. Такие укрепления зафиксированы в различных областях распространения культур роменского типа. В Северной земле это городища Горбово на р. Десне³⁹, Большое Горнальское на р. Псел⁴⁰, Хитцы в Посулье⁴¹ и ряд других. В земле вятичей такая конструкция прослежена на Чертовом городище в бассейне р. Жиздры⁴², на городищах Снедка и Тимофеевка на р. Упе⁴³. Также практически единственным этот тип укреплений был на памятниках Верхнего Дона. Здесь он отмечен на Малом и Большом Боршевских городищах, Воргольском и Архангельском городищах⁴⁴. Наиболее полно в этом регионе были исследованы две линии укреплений городища Титчиха⁴⁵.

Сложность системы укреплений зависела не от времени их возведения, а от продолжительности функционирования крепости⁴⁶. За время существования памятника укрепления усиливались. Со стороны склонов, помимо эскарпа возводилась стена. С напольной стороны

---

³⁴ Куник А.А., Розен В.Р. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. С. 48. Т. I.

³⁵ Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. С. 134–13. Рис. 24.

³⁶ Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962. С. 300.

³⁷ Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. С. 134.

³⁸ Сухобоков О.В. Новые исследования древнерусского Путивля // АО 1979 г. М., 1980. С. 342; *Он же*. Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991. С. 70.

³⁹ Григорьев А.В. Укрепления городища. С. 40–44.

⁴⁰ Вознесенская Г.А., Куза А.В., Соловьева Г.Ф. Раскопки славянских памятников на р. Псел // АО 1971 г. М., 1972. С. 96; Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. Рис. 20.

⁴¹ Григорьев А.В. Городище у с. Хитцы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Тез. докл. Полтава, 1989. С. 69–72.

⁴² Прошкин О.Л. Чертово городище. Калуга, 2011. С. 65–68.

⁴³ Григорьев А.В., Шеков А.В. Городище X–XI вв. в бассейне р. Упы // Тез. докл. конф. Археология юго-востока Руси. Елец, 1998. С. 19–20; Григорьев А.В. Славянское население. С. 27–31. Рис. 6, 7.

⁴⁴ Москаленко А.Н. Славяне на Дону. С. 62–71. Рис. 3–8.

⁴⁵ *Она же*. Городище Титчиха. Воронеж, 1965. С. 129–137. Рис. 45–49, С. 248–250.

⁴⁶ Григорьев А.В. Северская земля. С. 74.

стена расширялась за счет первоначального рва. Новый ров делался глубже, а на месте предшествующего создавался псевдо-эскарп. Таким образом, система обороны унифицировалась по всему периметру и представляла собой стену с эскарпом перед ней. Такие достройки могли совершаться неоднократно. Например, на Большом Горнальском городище они производились три раза, в результате чего, перед стеной с напольной стороны образовалось три псевдо-эскарпа. Края последних были укреплены вертикально установленными бревнами⁴⁷.

Планировка поселений долгое время оставалась загадкой для ученых. Не прослеживалось никакой закономерности в расположении жилых построек⁴⁸. Это обуславливалось тем, что на большинстве памятников, раскопанных большими площадями, не было стратиграфической связи сооружений или она не была зафиксирована.

В результате раскопок стратифицированного поселения у с. Горбово выяснилось, что последовательно существовавшие жилища образовывали компактные группы. Каждая последующая постройка находилась в стороне от предыдущей, не перекрывая ее. При этом она зачастую перекрывала постройку более раннего периода, т. е. на протяжении нескольких, в данном случае четырех поколений жилища строились на ограниченном участке земли. Это может говорить исключительно об усадебном характере застройки⁴⁹. На поселении Переверзево II были зафиксированы границы таких усадеб⁵⁰. Поселения Горбово и Переверзево II, расположенные в границах Северской земли, датируются в целом X в. Подобная планировка была отмечена и на селище IX в. у д. Торхово, находящемся в бассейне верхней Оки. Здесь площади усадеб наиболее раннего периода превышали 500 кв. м, но впоследствии, вероятно в результате дробления, они сокращаются до 250–300 кв. м. Такой же размер, около 300 кв. м, отмечается и на позднейших памятниках⁵¹.

Жилые постройки на раннем этапе расселения, в первой половине IX в., практически не отличаются по всей территории левобережья. Исключение составляют различия в традициях сооружения печей, отмеченное ранее. Все они имеют углубленную в землю часть, размера-

---

⁴⁷ Там же. С. 71. Рис. 26.

⁴⁸ *Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное Левобережье. С. 234–235; *Сухобоков О.В.* Роменская культура // *Этнокультурная карта территории УССР в I тысячелетии н. э.* Киев, 1985. С. 126.

⁴⁹ *Григорьев А.В.* Северская земля. С. 77–79. Рис. 27.

⁵⁰ *Узянов А.А.* Переверзевское II городище // АО 1980 г. М., 1981. С. 86; Он же. Памятники роменской культуры на р. Гускарь // АО 1981 г. М., 1983. С. 93.

⁵¹ *Григорьев А.В.* Славянское население. С. 33–34. Рис. 8.

ми от 3×3 до 5×5 м, чаще ок. 4×4 м. Глубины их различны, от 0,20 до 1,00 м и более. Печь располагалась в одном из углов котлована. Известны и дополнительные обогревательные сооружения, вырезанные в виде подбоя в одной из стен котлована. В наибольшем количестве они представлены в Северской земле, но фиксируются и в бассейне верхней Оки.

Наличие котлованов послужило устойчивому определению построек как полуземлянок. Однако малая глубина многих из них и ряд других наблюдений не позволяют принять данное определение. В последнее время большинство исследователей реконструируют эти сооружения как наземные жилища с углубленным полом⁵². В некоторых районах Украины дома с углубленным земляным полом существуют и поныне.

По конструкции все жилые постройки, вне зависимости от региона, делятся на два основных типа. К первому относятся так называемые «столбовые». В них сруб стоял за пределами котлована, а для того чтобы не допустить осыпания стен, последние укреплялись деревом. По углам и по центру стен вкапывались столбы, за которые закладывались доски. Такая система позволяла легко заменить подгнившие части конструкции. Возможно к этому же типу, т. е. к постройкам, в которых сруб стоял за пределами котлована, можно отнести и часть жилищ без столбов или со столбами, количество которых недостаточно для удержания обшивки. Вероятно, в них стены оставались земляными. Интересна группа построек, в которых столбы прослеживались только по центру двух или четырех противоположных стен котлована. Деревянная обшивка в этих случаях исключается, вероятно, столбы служили частью конструкции кровли. Подобные жилища известны исключительно на ранних памятниках Северской земли и отражают наиболее архаичный тип конструкции.

Второй тип построек характеризуется тем, что сруб в них опускался непосредственно в котлован. Размеры котлованов этих построек в среднем несколько больше сооружений первого типа⁵³.

Со временем, становятся заметны территориальные различия в конструкциях жилищ. В северной части земли вятичей, в частности в бассейне р. Упы, поиск новых конструктивных решений отмечается

⁵²Толочко П.П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. // Древнерусские города. М., 1981. С. 63–94; Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987.

С. 68–70; Григорьев А.В. Северская земля. С. 80–102; Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск, 2007.

⁵³Григорьев А.В. Поселение X в. в пойме р. Тускарь // Тез. докл. Первой Сумской обл. научной историко-краеведческой конференции. Сумы, 1990. С. 151–161.

уже в середине IX в. Несколько более низкие среднегодовые температуры, с одной стороны, и обилие леса, с другой, вынудили (и в то же время позволили) изменить устоявшуюся традицию. На этом этапе наблюдается большое разнообразие строительных решений. Многие типы конструкций уникальны. Можно отметить лишь общую тенденцию — желание оторвать жилое пространство от земли. Прежде всего, появляются постройки стоящие непосредственно на уровне дневной поверхности. Далее постройки поднимаются на невысокую подклеть, а под ними выкапываются неглубокие нежилые котлованы. Эти котлованы могли занимать почти всю площадь под домом или только половину, в том числе под печью. Последний вариант получил наибольшее распространение в земле вятичей вплоть до конца XI в.⁵⁴

В Северной земле на рубеже IX–X вв. печи в жилищах отрываются от стен котлована. Они полностью конструируются из глины, зачастую с применением мелких камней. Это позволило на начальном этапе резко уменьшить глубину котлованов, а к концу X в. перейти к постройке двухэтажных жилищ⁵⁵. При этом верхний этаж мог не иметь самостоятельного отопительного сооружения (Новгород-Северский, раскоп X) или быть полноценным жилым помещением с печью (Горбово, Липино). Таким образом тенденция к отрыву жилого пространства от земли, отмечавшаяся в северной части земли вятичей еще в IX в., распространяется и на южные территории.

Остатки многочисленных хозяйственных сооружений, как правило, не могут быть надежно интерпретированы. Исключение составляют зерновые или хлебные ямы. Они имеют характерную форму — узкое горло и сильно расширяющуюся нижнюю часть. Часто стенки ям обожжены. Подобные ямы, появившиеся еще в скифское время, доживают до XIX в. «На юге *зерновой* хлеб хранят в ямах: рытых кувшином, выжженных соломой и засыпаемых землею, это хлебные ямы»⁵⁶. Впервые они упоминаются в статье 39 Пространной редакции Русской правды, которая предусматривает наказание тому, кто «крадет гумно или жито в яме»⁵⁷.

Количество «житных» ям на памятниках близко количеству построек. Это указывает на то, что в период активной жизни одного поколения одна яма соответствовала одному двору. Поскольку ямы

⁵⁴ Григорьев А.В. Славянское население. С. 35–59. Рис. 9–20.

⁵⁵ Григорьев А.В. Северская земля. С. 90–96; Енукова О.Н. Домостроительство населения. С. 25–26.

⁵⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. 1955. Т. I. С. 677.

⁵⁷ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 95 (ст. 43 по ПРП. Вып. I. С. 112).

предназначались для посевного зерна, зная их объемы нетрудно вычислить засеваемые площади и уровень благосостояния владельца.

Средние объемы ям в Северной земле и на Дону в IX в. соответствовали 4–6 четвертям зерна, в пересчете на пшеницу. Такое количество необходимо для посева на площади около 9 десятин. В «лесной земле», земле вятичей, объемы ям, а следовательно и обрабатываемые площади, несколько больше. Скорее всего, это говорит не о более высоком уровне развития земледелия, а о худшем качестве земли и, соответственно, меньшей урожайности.

Различия в объемах зерновых ям, а значит и в размерах земельных наделов, позволяют сделать интересные социальные наблюдения. На раннем этапе, во второй половине VIII — первой половине IX в., большинство ям имеют средний, реже несколько меньший объем, т. е. фиксируется определенное имущественное равенство. К концу IX в. на памятниках отмечается значительное расслоение общества. Количество ям малых объемов возрастает до 35–50 %. Соответствующие наделы в 4–6 десятин позволяли лишь прокормиться их владельцам. В тоже время появляются ямы, запас в которых был предназначен для посева на 30 и более десятинах. На протяжении X в. средние размеры ям заметно возрастают. Так, если средний запас зерна на одну условную яму в пересчете на пшеницу⁵⁸ на раннем городище Опошня составлял 0,74 т, на несколько более позднем Новотроицком — 0,79 т, то на поселении X — первой половине XI в. у с. Горбово — 1,03 т. Даже при всей условности наших расчетов такой рост запасов зерна вряд ли можно считать случайным. Более ярким в это время становится и дифференциация ям по объемам. Заметно возрастает процент малых и больших ям, за счет снижения количества средних⁵⁹.

Крупные ямы содержали количество зерна необходимое для посева на площади более 30 десятин. Учитывая, что согласно подсчетам В.И. Довженка, один работник мог за сезон обработать не более 8 десятин⁶⁰, очевидным становится факт привлечения наемной силы.

Из производственных сооружений наиболее бесспорными в плане интерпретации являются металлургические горны. Они известны в северной части земли вятичей, в бассейне р. Упы. Именно здесь, где в XVII в. возникают первые русские железоделательные заводы, имеются выходы железной руды. Конструкции горнов отражают различные

---

⁵⁸Hütte: Справочник для инженеров, техников и студентов. М.; Л., 1935. Т. II. С. 988. Табл. 10.

⁵⁹Григорьев А.В. Славянское население. Рис. 22.

⁶⁰Довженко В.И. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961. С. 185.

традиции: общеславянскую (поселение Уткино) и степную, салтовскую (поселение Торхово)⁶¹.

Следует отметить, зафиксированные на ряде памятников отдельно стоящие печи. По конструкции в большинстве своем они не отличаются от печей расположенных в постройках. Назначение этих сооружений трактуется неоднозначно. Это могли быть остатки незафиксированных наземных построек, летние печи или печи связанные с производством. Например, печь, исследованная на Донецком городище, использовалась для обжига керамики⁶².

Предметы вооружения и конской сбруи представлены на памятниках роменского типа крайне скудно. Судя по материалам поселений, основным оружием славян левобережья был лук. Наконечники стрел являются наиболее частой находкой на памятниках рассматриваемого периода. Типы наконечников преимущественно общеславянские, но встречаются и трехлопастные, степного облика. Помимо лука широко использовались копья и топоры. Последние, относятся к типам универсальных орудий. Тяжелые топоры с узким лезвием могли употребляться как в качестве орудий труда, так и в качестве оружия. Немногочисленные находки боевых топоров имеют аналогии в материалах салтовской культуры. Достаточно распространенными были копья. Наконечники последних найдены на большинстве хорошо исследованных памятников. Находки сабель, мечей и боевых ножей — единичны. Сабли были найдены на городищах Битица и Донецкое⁶³, меч в качестве случайной находки происходит с городища Хитцы⁶⁴. Фрагмент боевого ножа найден на поселении у д. Торхово. Фрагменты кольчуги фиксировались на Торховском поселении, городище Титчиха и в погребении 2 Волынцевского могильника⁶⁵.

К снаряжению воина можно отнести и детали поясных наборов. Накладки и пряжки были найдены на многих памятниках, но в единичных экземплярах. Подавляющее большинство их имеют аналогии в степных древностях. Детали конской упряжи, как то удила, стремена,

---

⁶¹ Григорьев А.В. Славянское население. С. 64–67. Рис. 24, 25; Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X в. // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2. С. 75–78. Рис. 48.

⁶² Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. С. 306–307.

⁶³ Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. Рис. 6; Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. С. 107. Рис. 2.

⁶⁴ Мокляк В.О. Меч із Посулля // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Тез. докл. Полтава, 1990. С. 162–163.

⁶⁵ Археологическая карта России. Тульская область. М., 1994. Ч. 2. С. 163; Москаленко А.Н. Городище Титчиха. С. 138–141. Рис. 52; Березовець Д.Т. Дослідження на території Путівльського району Сумської області // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952. Т. III. С. 248.

сбруйные накладки и пряжки, также отмечены на многих памятниках. Однако повышенной концентрации их нигде не фиксируется. Можно предположить, что вооруженное население было рассредоточено по многочисленным поселкам, не образуя какой-либо обособленной социальной группы или организации⁶⁶.

Исключение из вышесказанного для VIII — начала IX в. представляет городище I у с. Битица, а для IX — нач. X в. Супрутское. На последнем следы пребывания дружины фиксируются особо отчетливо. Этот памятник резко отличается не только от синхронных памятников роменского типа, но и от других поселений Восточной Европы⁶⁷. Изначально поселок занял территорию небольшой, до 0,6 га, площадки городища первых веков н. э. Впоследствии, на протяжении более чем ста лет, площадь его не увеличивалась. Следов синхронных поселений за пределами городища, в ходе многолетних исследований, проводившихся С.А. Изюмовой (1954–1956, 1967, 1969–1973, 1976 гг.), А.В. Шековым (1995, 1996 гг.) и А.В. Григорьевым (1999–2002, 2006, 2007 гг.), обнаружено не было. Не возобновлялись и древние укрепления.

Усадебного характера в планировке поселения не прослеживается. Можно предполагать, что постройки располагались по периметру, оставляя свободной центральную часть поселения. Застройка при этом была весьма плотной⁶⁸. Характерной особенностью поселения являлось полное отсутствие зерновых ям, т. е. население не занималось хлебопашеством. В то же время отмечено множество случаев находок орудий труда, в том числе в виде кладов. Однако положение наральных серпов и кос в последних, указывает на то, что они были уложены без деревянных частей. Можно предположить, что в данном случае, железные детали орудий труда являлись предметом торговли. На поселении не отмечено следов первичной обработки железа, но фиксируются следы кузнечного производства.

Население поселка было полностью уничтожено во втором десятилетии X в.⁶⁹, что позволяет нам приблизительно реконструировать его количество и половозрастной состав. В изученной раскопками части, которая составляет около половины всей площади поселения, было за-

---

⁶⁶ Григорьев А.В. Северская земля. С. 140–145.

⁶⁷ Археологическая карта России. Тульская область. С. 214–217.

⁶⁸ Григорьев А.В. Периодизация славянского поселения на городище у с. Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 22–23.

⁶⁹ Григорьев А.В. Славянское население. С. 139.

фиксировано более 110 костяков. Из них не более 1/6 принадлежало мужчинам активного возраста. Следовательно, можно предположить, что все население не превышало 250 человек, из коих лишь около 40 могли носить оружие. Количество найденных топоров и удил соответствует приведенной цифре. Есть все основания полагать, что на городище размещалась небольшая конная дружина. Основным оружием воинов был топор, но часто использовались и копья, наконечники которых не являются редкой находкой на памятнике. Так же широко применялись лук и стрелы. Помимо многочисленных наконечников стрел, в материалах поселения известны колчаные петли и крючки. Мобильная дружина, расположенная в центре перевалочного узла из Дона в Оку, могла эффективно контролировать все его участки.

Жители поселка активно участвовали в транзитной торговле. На это указывает целый ряд фактов. Во-первых, в раскопах было найдено большое количество предметов торгового инвентаря — фрагменты пяти весов и 23 гирьки⁷⁰. Во-вторых, количество драгоценного металла (серебра), в виде как монет, так и изделий, значительно превышало его содержание на других памятниках региона. Наконец, вещевой материал указывает на очень широкие внешние связи поселка. С юга происходят сердоликовые, хрустальные и стеклянные бусы, а также фрагменты амфор. С мусульманским миром связана находка фрагмента серебряной капторги. В венгерских древностях Приуралья находят аналогии детали седла, сбруйные и поясные бляшки и разделители. С салтовскими древностями связаны многочисленные детали пояса, одежды, конской упряжи и парадных керамических сосудов. Многочисленны украшения балтского и финно-угорского типов. Широко представлены изделия скандинавских мастеров, в том числе уникальные удила, украшенные в стиле *Vorre*⁷¹. Несколько предметов имеют прямые аналогии в Моравии.

Интересно отметить, что предметы различного происхождения зачастую входили в состав одного закрытого комплекса. Последнее обстоятельство позволяет рассматривать их как импорты. Любимым же украшением супружеских женщин оставались лучевые кольца и серьги «салтовского» типа. Есть все основания полагать, что они изготовлялись на месте. При всем отличие в характере инвентаря, конструкции

---

⁷⁰ Григорьев А.В. Весы и гирьки городища у с. Супруты // *Материалы по истории и археологии России*. Рязань, 2012. Том II. С. 115–128.

⁷¹ Изюмова С.А. Супрутский клад 1969 г. // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. I. С. 88–108; Мурашева В.В. Супрутский клад (Из раскопок 1969 г.) / *Труды ГИМ*. М., 2008. Вып. 175.

жилищ, керамика, изделия из железа — абсолютно идентичны комплексам соседних поселений роменского типа.

Украшения на всем пространстве культур роменского типа имеют общий облик. Их можно разделить на две основные группы — импорты и предметы, изготовленные на месте. Собственно славянские изделия представлены небольшим количеством категорий⁷².

Гривны с раскованными окончаниями петель существуют на всем протяжении существования культуры, но представлены единичными находками (Ивахницкий клад, Новотроицкое, Полтава). Дротовые браслеты с утолщенными окончаниями также редки. Не чаще встречаются пластинчатые браслеты со скованной в дрот центральной частью. По образцу таких браслетов изготавливались и перстни, представленные также единичными экземплярами. Плоские части гривен и окончания браслетов иногда украшались зигзагообразной насечкой. Малочисленность известных находок может указывать на невысокую популярность этих категорий украшений у славян левобережья.

Значительно шире представлены головные украшения — серьги и височные кольца. Это не только многочисленные миниатюрные серьги, свернутые из тонкой проволоки, но и более сложные изделия. Последние представлены несколькими основными видами. Простейшие из них, как и миниатюрные проволочные, были кольцевидными, но отличались большими размерами. Их диаметр 2,5–3,5 см, сечение проволоки 2–3 мм. Изготавливались они из серебра и часто входили в составы кладов (Железницкого, Алпатьевского, кладов на городищах Новотроицкое и Титчиха). Время бытования этих украшений определяется концом IX — началом X в.

К раннему виду серег можно отнести предметы так называемого фативижского типа. Они состояли из овальной дужки, имитации привески и различных вариантов украшения с внутренней части дужки. Подобные изделия известны преимущественно на ранних памятниках — Фативижский клад, городище I у с. Битица. Позднейшая находка из Гнездова датируется второй половиной IX в.⁷³ Несколько экземпляров происходит из подъемного материала памятников Курской области⁷⁴. В материалах роменского типа конца IX в. и позже они не известны.

---

⁷² Григорьев А.В. Северская земля. С. 126–139.

⁷³ Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III. Вып. 1. С. 55. Рис. 17.

⁷⁴ Шпилев А.Г. Височные кольца Курского края (2-я половина VIII в. — 1-я половина XIII в.) // Верхнее Подонье: археология, история. Тула, 2009. Рис. 1 (1–3).

Очень широко были распространены серьги салтовского типа. Композиционно они, несомненно, близки серьгам салтовской культуры и являются подражаниями последним⁷⁵. Однако отличия в технологии производства и обилие находок, позволяют говорить об их местном производстве. Серьги данного типа появляются на памятниках роменского круга на раннем, вольтинцевском, этапе и существуют вплоть до начала X в. Они известны на большинстве хорошо раскопанных памятников этого времени. Позже, в X — начале XI в., находки этих украшений единичны.

Наиболее яркой чертой культур роменского типа могут считаться лучевые серьги или височные кольца (вопрос о способе ношения этих украшений на сегодняшний день не решен). Они появляются в Северной земле и земле вятичей около середины IX в., возможно, несколько ранее. На начальном этапе предметы изготавливались методом литья по восковой модели и имели орнаментацию с обеих сторон. Они максимально копировали кольцо с напаянными пирамидками зерни, т. е. являлись прямым подражанием серьгам Подунавья. К концу IX в. в производстве этих украшений происходят революционные изменения. Они становятся значительно крупнее, при этом орнамент сохраняется только на одной стороне. Предметы изготавливаются сериями до 6 экз. по одной модели, вероятно, свинцово-оловянистой. При этом утрачивается первоначальный смысл украшения — кольца с напаянными пирамидками зерни. Лучи, помимо псевдозерненого орнамента, украшаются иными приемами. Более того, появляются кольца, на внутренней части которых вместо лучей изображаются фигурки птиц⁷⁶.

Распространение указанных украшений в конце IX — начале X в. необычайно широко. Они встречаются не только по всему региону культур роменского типа, но и за его пределами. Во второй — третьей четверти X в. лучевые кольца практически неизвестны. Новый всплеск моды на данные украшения приходится на конец X — начало XI в. При этом из всего разнообразия типов, известных для рубежа IX–X вв., развитие получают лишь два. Один из них становится характерным для Северной земли, другой для земли радимичей. Во второй четверти XI в. складывается оригинальный тип подвесок, так называемого

---

⁷⁵ *Сташенков Д.А.* Евразийская мода в эпоху раннего средневековья // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии)*. Самара, 1998. С. 213–231.

⁷⁶ *Григорьев А.В.* Лучевые серьги (височные кольца) культур роменского круга древностей // *Верхнедонской археологический сборник*. Липецк, 2010. Вып. 5.

деснинского типа, в земле вятичей⁷⁷. Кроме того, здесь фиксируются находки колец, характерных для земли северян.

Еще одна группа украшений, импортная, составляла не менее половины всего комплекса. На начальном этапе широко были представлены изделия мастеров византийских провинций. Они отличаются сложностью применяемых технологических приемов: в частности штамповки, пайки, зерни. Некоторое количество этих предметов, часто со следами повреждений, доживает до рубежа IX–X вв. Изделия степного облика представлены перстнями, в том числе со стеклянной вставкой, браслетами, бубенчиками, разного рода подвесками и амулетами. Многочисленны находки предметов финно-угорских и балтских типов. Это всевозможные шумящие подвески, перстни, трапециевидные привески, детали головных венчиков. Начиная со второй половины X в. наблюдается рост количества общерусских украшений.

Из деталей одежды весьма распространенными являются пуговицы, преимущественно степных типов. Следует также отметить фибулы. Чаще всего встречаются подковообразные со спиралевидными окончаниями. Сечение ромбовидное или круглое, материал — железо, реже бронза. Широкое распространение и находки заготовок (Горбово) указывают на их местное производство. Найдены салтовских фибул единичны.

Орудия труда представлены сошниками, серпами, косами, ножницами, изредка ювелирным инструментом. В случаях, когда удалось провести металлографический анализ предметов, выяснилось, что большинство из них было изготовлено по салтовским технологиям.

Керамика, в большинстве своем, представлена лепными горшками, выполненными из грубого теста с большим количеством примесей. В качестве отощителей использовался крупный шамот, органика, реже дресва. Стенки сосудов толстые, 1–2 см, обжиг — печной. Убедительной типологии форм горшков до настоящего времени не разработано. Визуально исследователями выделяется 4 или 5 основных форм⁷⁸. Устойчивых различий в керамических наборах памятников различных территорий не наблюдается. Вероятно, это связано с индивидуальностью сосудов домашнего производства. Данное обстоятельство, позволило А.А. Узянову отметить определенные отличия не

⁷⁷ Григорьев А.В. Об этнической принадлежности височных колец «деснинского типа» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005. С. 22–24.

⁷⁸ Ляпушкин И.И. Славянское поселение на территории хутора Ближняя Мельница // МИА. М.; Л., 1958. № 62. С. 32–39. Рис. 18–23; Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье. С. 268–271; Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. С. 76–79; Сухобоков О.В. Роменская культура. С. 129.

только в материалах соседних памятников, но и в жилых комплексах в пределах одного поселения⁷⁹.

В целом формы лепных сосудов роменского типа можно считать общеславянскими. Наибольшее сходство отмечается с синхронной керамикой правобережья Днепра⁸⁰. Характерной особенностью является широкое распространение орнаментации поверхности сосудов. Орнамент наносился на край венчика, несколько реже на плечики горшков. На раннем этапе наиболее часто использовались различные пальцевые и ногтевые вдавления, защипы. Со второй половины IX в. широкое распространение получают орнаменты, полученные путем оттисков палочки, обмотанной веревочкой, — так называемый веревочный штамп. Комбинации таких оттисков позволяли получать весьма разнообразные, порой причудливые композиции⁸¹.

В X в. на памятниках роменского типа появляется достаточно качественная круговая древнерусская керамика. Ее содержание в комплексе того или иного поселения напрямую зависит от удаленности от территорий Руси⁸². Так, если в Подесенье в конце X — начале XI в. подобная керамика составляла более половины всего комплекса, то по мере удаления от центров производства процент ее значительно снижался. В земле вятичей находки фрагментов древнерусской посуды единичны. Исследования глин, применявшихся при изготовлении древнерусской керамики, показали, что она производилась в различных местах. Химический состав этих глин отличен от состава глины местных лепных сосудов. Эти наблюдения позволяют предположить, что древнерусская керамика на памятниках роменского типа являлась предметом импорта.

В районах, куда качественная древнерусская керамика поступала в ограниченном количестве, со второй половины X в. активизируется производство местной круговой посуды. По формам она зачастую копировала древнерусскую, но по составу теста, степени применения круга и обжигу была близка традиционной лепной. Такая керамика стала ведущей на памятниках вятичей вплоть до начала XII в.

Кроме славянской керамики в материалах памятников присутствуют салтовские круговые горшки и кувшины, причерноморские амфо-

⁷⁹ Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982. С. 122–135.

⁸⁰ Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка VIII–IX ст. правобережжя середнього Подніпров'я. Київ, 1992. С. 100–102.

⁸¹ Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа. С. 122–135.

⁸² Григорьев А.В. О роменской и древнерусской керамике на левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернівці, 1993. С. 76–81.

ры. Количество их столь мало, что данные находки можно отнести к категории импортов.

Особо следует отметить появление в IX в. в междуречье Оки и Дона, а также на верхнем Дону, круговых сосудов, продолжающих традиции волынцевской керамики. На Дону они в единичных экземплярах известны не только на славянских, но и на памятниках салтовской культуры (Саркел, Дмитриевский могильник). На некоторых поселениях бассейна р. Упы, в частности Торхово и Уткино, доля такой посуды более заметна. Можно предположить, что после исчезновения в Северной земле древностей волынцевского типа, часть их носителей переселилась на восток⁸³.

Даже краткий обзор материальной культуры населения, проживавшего к востоку от р. Днепр, позволяет значительно уточнить и расширить наши представления об истории региона. Можно предполагать, что славяне, пришедшие на Днепровское Левобережье вскоре, т. е. уже в середине VIII в., оказались под властью Хазарского каганата. Такая гипотеза была предложена М.И. Артамоновым еще в 1962 г.⁸⁴ Власть эта была достаточно прочной. Она осуществлялась при помощи какого-то из племен, несомненно, родственного носителям салтовской культуры. Администрация, в основе своей иноэтничная, располагалась в крупном укрепленном центре на восточной окраине заселенной славянами территории. Таким центром можно считать городище Битица. Подобная структура позволяет говорить о полном включении региона на данном этапе в состав Хазарского каганата.

Продвижение границы каганата непосредственно к Днепру позволило подчинить своему влиянию и небольшое объединение полян. Вероятно, это произошло одновременно или вскоре после включения в состав каганата Северной земли. Археологически данные события проявились в появлении на правобережье материалов волынцевского типа. Именно памятники, содержавшие волынцевские древности, позволяют достаточно точно определить границы полян этого периода⁸⁵.

Сложившееся положение сохранялось вплоть до начала IX в. В первой четверти столетия ситуация резко меняется. В это время гибнет Битицкое городище, исчезает волынцевский материал с памятни-

---

⁸³ Григорьев А.В. О финальном этапе волынцевских древностей // Стародавні Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 23–25.

⁸⁴ Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С. 397–398.

⁸⁵ Петрашенко В.А. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 50; Григорьев А.В. Северская земля. С. 184–185. Рис. А.

ков полян и северян⁸⁶. Предположение о том, что хазарская администрация была уничтожена русами, высказанное А.В. Комаром⁸⁷, абсолютно неприемлемо. На сегодняшний день не известно ни одного дружинного («русского») памятника, расположенного сколько-нибудь близко от рассматриваемого региона и датирующегося началом IX в. В то же время для взятия такого крупного центра, как Битица, требовались немалые военные силы.

Причины разрушения стройной структуры власти следует искать в событиях, происходивших внутри самого каганата. После реформ Обадия и установления в качестве государственной религии иудаизма в каганате начинается смута⁸⁸. Результатом ее явились не только территориальные потери, но и общее ослабление центральной власти. Вероятно, находившиеся на далекой окраине славяне воспользовались ситуацией для того, чтобы понизить степень своей зависимости.

Изгнав иноплеменную верхушку, славяне, тем не менее, остались под властью хазар. Принципиально изменился характер зависимости. Если для раннего периода можно говорить о полном вхождении территорий в состав каганата, то начиная со второй четверти IX в. — лишь об их вассальной зависимости. Новый центр власти находился уже далеко за пределами славянских земель. В качестве такового можно рассматривать Саркел. Эта крепость была построена сразу после окончания смуты, и, вероятно, основной ее задачей был контроль над племенами — носителями салтовской культуры. Славянские территории, скорее всего, также ориентировались на этот центр. Поэтому неудивительно присутствие славянского элемента в населении крепости уже в начальный период ее существования⁸⁹.

Одновременно с ослаблением хазарского влияния, продолжался процесс славянской колонизации земель лежащих к востоку от р. Днепр. С рубежа VIII–IX и в начале IX в. славянские поселения появляются в земле вятичей, точнее в ее южной части, и в Подонье в земле радимичей⁹⁰. В это время заселяется Верхняя Ока вплоть до устья р. Угры, бассейн р. Упы, низовья р. Осетр. Вероятно, через Упу происходит проникновение славян на Дон. Столь масштабная колонизация не могла осуществляться за счет естественного прироста на-

---

⁸⁶Щеглова О.А. Салтовские вещи. С. 81–83; Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове. С. 33–34; Григорьев А.В. Северская земля. С. 21–22.

⁸⁷Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. Київ, 2005. Т. IV. С. 136.

⁸⁸Артамонов М.И. История хазар. С. 433–439.

⁸⁹Плетнева С.А. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. М.; Л., 1959. № 75. С. 268.

⁹⁰Григорьев А.В. Славянское население. С. 143–145.

селения Северской земли. Вероятно, в это время начинается вторая волна переселения славян из западных регионов. Помимо описанных ранее различий в материальной культуре указанных территорий и Северской земли, интересно отметить распространение в IX в. новых типов украшений. Так, к первой половине столетия относится появление ранних типов лучевых колец (серег) и лунниц.

Наиболее ранние лучевые подвески являлись прямым подражанием сергам, распространенным в провинциях Византии нижнего Подунавья. Трехрогие лунницы имеют прямые аналогии в древностях Моравии. О том, что процесс колонизации верховьев Оки и Дона по времени близок к гибели Битицкого городища и всей соответствующей ему структуры, говорит активное участие в переселении остатков носителей волынцевских древностей.

Для славянских территорий, лежащих к востоку от Днепра, IX в. может быть охарактеризован, как период спокойного и поступательного развития. В это время заметно возрастает количество поселений, увеличиваются их размеры, заметны положительные изменения в хозяйстве. Отношения с центральной властью каганата, вероятно, стабилизировались. Об этом говорят не только многочисленные импорты на славянских памятниках, но и то, что славянское население начинает проникать на территории, занятые памятниками салтовского типа. Следы такого проникновения отмечены на ряде памятников Северского Донца, исключительно славянское поселение изучено в низовьях Дона⁹¹. Наиболее показательным является наличие заметного количества славян в составе населения Саркела. На присутствие славянского населения в хазарских городах указывают и арабские источники⁹².

Славянская колонизация Подонья была выгодна каганату и, скорее всего, поддерживалась последним. Во-первых, таким образом увеличивалась податная база государства («щеляг от рала»), во-вторых — обеспечивался контроль и стабильность по всему Донскому торговому пути. Судя по датировкам многочисленных кладов, время возникновения этого пути относится к началу IX в.⁹³ Поскольку зависимость Северской земли и особенно вятичей и донских славян от Хазарского каганата была изначальной, можно предположить, что такое положение воспринималось населением как данность. Присутствие внешней

---

⁹¹ *Ляпушкин И.И.* Славянское поселение. С. 337–347.

⁹² *Калинина Т.М.* *Ал-хазар и ат-турк* в произведениях средневековых арабо-персидских ученых // *Хазары. Евреи и славяне.* Иерусалим; М., 2005. Т. 16. С. 108.

⁹³ *Григорьев А.В.* Славянское население. С. 146–152.

власти было неотъемлемой частью всей структуры управления указанными территориями.

Совершенно иная ситуация наблюдается в земле полян. Здесь к моменту подчинения каганату уже сложилась своя система власти. Земля воспринималась исконно своей. Местное население изначально отнеслось к хазарской власти враждебно, свидетельством чему является легенда о полянской дани мечами. Не имея сил к сопротивлению, поляне лишь ждали удобного момента. Поэтому появление русских дружин Аскольда было воспринято как освобождение. Каганат к этому времени уже не обладал достаточными силами для того, чтобы удерживать столь отдаленную территорию.

Таким образом, к концу IX в. хазары утратили позиции на правом берегу Днепра, но значительно укрепили их на левом берегу (Рис. 1 Б). В результате роста славянских территорий в зоне влияния каганата оказалась вся Северская земля, земля вятичей и донских славян. Можно предположить, что на протяжении IX в. происходила колонизация земли радимичей. Летопись указывает на действия Олега против радимичей в конце столетия. Не исключено, что именно со стороны радимичей, по р. Сож, произошло проникновение роменских древностей в верховья Днепра, в частности в Гнездово.

Крайне неблагоприятная ситуация для славянских земель и каганата в целом сложилась в конце IX — начале X в. (Рис. 1 В). Печенежское вторжение привело к гибели целого ряда салтовских и славянских памятников⁹⁴. Коммуникации славянских территорий с хазарской метрополией было сильно затруднено. Со стороны Киева Олег нанес удар по Северской земле, в результате которого северяне лишился нижнего, черниговского течения р. Десна, вплоть до устья р. Снов⁹⁵. Продвижение Руси по Снови практически отрезало землю радимичей от всего массива славян Левобережья. В начале X в., вероятно со стороны верхней Волги, была проведена операция по ликвидации славянских опорных пунктов по р. Упе и р. Оке⁹⁶. В результате этого каганат потерял контроль над важным узлом донского торгового пути.

Несмотря на территориальные потери и появление нового центра силы — Руси — славянские земли каганата продолжали активно развиваться. На X в. приходится расцвет культур роменского круга. В это время значительно увеличивается количество поселений, осваивают-

⁹⁴ Григорьев А.В. Северская земля. С. 183–184.

⁹⁵ Григорьев А.В. О границе Руси и Севера в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова: тез. докл. Чернігів, 1993. С. 98–99.

⁹⁶ Григорьев А.В. Славянское население. С. 162–164.

ся различные ландшафтные зоны, развивается усадебная система застройки, появляются новые типы жилых построек, возникают первые славянские протогорода, такие как Полтава и Новгород-Северский.

Последние резко выделяются из всей совокупности памятников роменского типа. Так поселение, расположенное на территории современного города Полтавы (летописной Лтавы) находилось на южной границе Северной земли в отрыве от синхронных сельских поселений (ближайшее расположено более чем в 40 км). Возникшее еще в IX в., ко второй половине X в. оно значительно разрастается. Площадь его детинца может быть определена в 3 га. Площадь посадов, располагавшихся как на верхней террасе, так и на первой надпойменной, превышала 30 га. При средней площади двора ок. 300 кв. м, на этой территории должно было располагаться более одной тысячи дворов. Очевидно, что при такой концентрации населения пункт не мог существовать исключительно за счет местного сельскохозяйственного производства.

Новгород-Северский располагался на противоположной, северной окраине Северной земли. По своим характеристикам он был близок Полтаве: детинец имел площадь 3 га и посад — более 20 га. Кроме того при раскопках памятника была отмечена производственная зона — смолокурные ямы — и следы каменного строительства. В ряде построек конца X в. во вторичном использовании находилась плинфа с параметрами близкими к плинфе Десятинной церкви в Киеве.

Интересно отметить, что оба означенных пункта не переросли в древнерусские города. Они погибли в результате пожаров в первой половине XI в. Древнерусские города возникают на месте роменских через некоторое время после гибели последних и не имеют с ними какой-либо генетической связи. Древнерусский Новгород-Северский появляется около середины XI в., Лтава — не ранее конца столетия⁹⁷. Характерно, что возникшие на месте роменских поселений древнерусские города на начальном этапе своего существования значительно, в разы, уступали ранним поселениям по площади. К старым границам они приблизились лишь к середине XII в. Наличие городских черт можно предполагать еще на ряде роменских памятников имевших большие размеры и сложную структуру посадов.

Помимо необычайно крупных для своего времени памятников, в X в. появляются поселения, состоявшие всего из одного — двух дво-

---

⁹⁷ Григорьев О.В., Кулатова И.М. Нові матеріали археологічних досліджень давньоруської Лтави (За розкопками 1990 р.) // Полтавський археологічний збірник 1999. Полтава, 1999. С. 44–48.

ров. Обнаружить их крайне трудно, во-первых, из-за малых размеров, во-вторых, из-за труднодоступности мест нахождения. Как правило, эти памятники находились на небольших всхолмлениях в поймах рек. Окружающие заливные луга совершенно не пригодны для земледелия, но оптимальны для животноводства. Раскопки такого поселения у д. Тазово на р. Тускарь показали, что помимо скотоводства здесь занимались добычей болотной руды⁹⁸.

Таким образом, вычлняются две группы поселений, очень большие и крайне маленькие, которые не могли существовать как замкнутый самодостаточный организм. Сам факт наличия таких поселений указывает на существование той или иной формы внутреннего, межпоселенческого обмена. Трудно сказать, какую роль в нем играли восточные монеты. Однако следует отметить, что размер дани в пользу Хазарского каганата приводится в летописи в денежном выражении — «по щелягу от рала»⁹⁹. «Шэлэг», согласно Ибн ал-Асиру, — название дирхема у еврейских купцов, которое, вероятно, бытовало в пределах каганата, в том числе и на подчиненных ему славянских землях¹⁰⁰.

Арабские монеты — достаточно распространенная находка на памятниках роменского круга древностей. Монеты встречаются как отдельными экземплярами, так и в составе небольших кладов, 10–20 дирхемов. «Поселенческие» клады сильно отличаются от «транзитных». Вероятно, они представляют собой сбережения той или иной семьи. Их состав отражает структуру денежного обращения на момент формирования клада, но ни в коем случае не указывает на время выпадения комплекса в слой. Об этом красноречиво говорят «двусоставные» клады, в частности, Супрутский 1972 г.¹⁰¹ Часть его соответствует первому периоду обращения дирхема и, вероятно, сформировалась в первой половине IX в. Комплекс был пополнен в конце IX в. и выпал в слой во время гибели городища в начале X в.¹⁰²

К середине X столетия, вероятно, возникает собственная денежно-весовая система¹⁰³. Дирхемы обрезаются в кружок под определенную весовую норму. Появляются грубые подражания дирхемам. Они из-

⁹⁸ Григорьев А.В. Поселение X в. в пойме р. Тускарь. С. 26–28.

⁹⁹ ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 53.

¹⁰⁰ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 117.

¹⁰¹ Изюмова С.А. Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 206–210.

¹⁰² Григорьев А.В. Славянское население. С. 139. Рис. 58.

¹⁰³ Зайцев В.В. О топографии кладов куфических монет X в., обрзанных в кружок // Гос. Эрмитаж. Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г. Тез. докл. СПб, 1992. С. 27–29.

начально чеканились под размер и вес обрезанных, но имели сильно пониженное содержание серебра. Небольшая серия таких подражаний происходит из слоев Большого Горнальского городища¹⁰⁴. То обстоятельство, что на памятниках роменского типа — за исключением находившегося на торговом пути Супрутского поселения — полностью отсутствуют предметы торгового инвентаря, позволяет предположить, что дирхемы принимались на счет. В пользу этого говорит и появление в период «серебряного кризиса» в начале XI в. не только дирхемов разнообразного качества и времени чеканки, но и медных фельсов. Последние на востоке являлись монетами с «принудительным» курсом.

Во второй половине X в. появляются первые погребения, совершенные с элементами христианского обряда¹⁰⁵. Ингумации в ямах традиционно перекрываются курганной насыпью. По-прежнему присутствует и погребальный инвентарь. Новый тип погребений сосуществует с кремациями на стороне.

Отношения с каганатом, вероятно, также претерпевают некоторые изменения. Общее ослабление метрополии, невозможность напрямую вмешиваться в дела славянских земель, несомненно, способствовали усилению автономности этих областей. В то же время, угроза со стороны постоянно усиливающейся Руси заставляла славян левобережья сохранять контакты с каганатом. Баланс между двумя силами для них был различен. Относительно небольшое объединение радимичей находилось ближе других к территории Русской земли. Ко второй половине X в. оно было практически отрезано от основного славянского массива. Можно предположить, что и в политическом плане оно в большей мере зависело от Руси. Однако летописные известия позволяют утверждать, что даже после похода Владимира в 984 г. радимичи не были полностью инкорпорированы в русское государство: «и платять дань Руси и повозь везуть и до сего дне»¹⁰⁶.

Наиболее сложные отношения с каганатом и Русью были у Северной земли. С одной стороны, они, согласно Константину Багрянородному, являлись «пактиотами» Руси, с другой, по сведениям кагана Иосифа, платили дань хазарам. Вероятно, в этих сообщениях нет противоречия. Северяне могли выплачивать некоторые, скорее всего,

¹⁰⁴ Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 145–147.

¹⁰⁵ Григорьев А.В. К вопросу о погребальном обряде северян. С. 86–87; Енукова О.Н. Поздне-роменское погребение из Лебяжьего // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тез. докл. Липецк, 1992. С. 191–192; Казаков А.Л. Радичевский курганный некрополь // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Тез. докл. Білопілля, 1994. С. 22–24.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 83–84.

символические суммы — летописную «дань легьку» — обоим государствам, сохраняя при этом максимальный уровень автономии. Прослеживаемые археологически границы между Северной и Русской землями, лишний раз подтверждают это предположение¹⁰⁷. Весьма показательным и полным отсутствием упоминаний Северной земли в русской летописи в период с 884 по 1024 г.

Вятичи вплоть до походов Святослава находились вне зоны влияния Руси. Их связь с каганатом была наиболее прочна. Вероятно, именно из земли вятичей в X в. продолжается активное проникновение славян на территорию хазар. Именно в этот период происходит увеличение славянского населения в Саркеле. Возможно, в это же время роменские материалы появляются в Тмутаракани¹⁰⁸.

Поход Святослава на Саркел поставил точку в истории политического влияния хазар на славянские земли. Однако традиции единства этих земель, сложившиеся под властью каганата в течение почти двух столетий, были необычайно сильны. Несмотря на усиление русского влияния, земли, лежащие к востоку от Днепра, еще долгое время сохраняли свою автономию. В конце X в. Владимир неоднократно совершал походы в земли вятичей и радимичей лишь для подтверждения выплат этих территорий в пользу Руси. При наделении городами Святославом и Владимиром своих сыновей, бывшие земли каганата не учитывались, т. е. князь не мог посадить туда своего наместника. Захватив Чернигов, Мстислав Владимирович практически восстанавливает каганат, изменив лишь его столицу. Участие северян в Лиственской битве 1024 г. в качестве самостоятельной вооруженной силы указывает на сохранение ими традиционного внутривосточного устройства. Отношение Руси к Северу хорошо иллюстрируют слова вложенные летописцем в уста Мстислава Владимировича. «Кто сему не рад се лежить северянинъ а се варягъ а своя дружина цела»¹⁰⁹.

Полное включение большей части славянских земель каганата в состав русского государства, вероятно, произошло после смерти Мстислава. Этот процесс ярко отразился в материалах позднероменских памятников — все они погибли в результате пожаров. Однако население этих регионов не было окончательно покорено. Значительная, если не бо́льшая, его часть ушла на северо-восток, в зону неподвластную Руси. Этот процесс хорошо виден по материалам археологии.

¹⁰⁷ Григорьев А. В. Северская земля. С. 202–204.

¹⁰⁸ Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 16–20. Рис. 9.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 136.

Если в земле северян и южной части земли вятичей в XI в. наблюдается резкое, в разы, сокращение населения, то в бассейне средней Оки, Москвы, Протвы и Нары происходит столь же бурный его рост. Если в IX в. р. Упа являлась северной границей земли вятичей, то с начала XI в. она становится южным рубежом для большей части вятичского населения. Материальная культура мигрантов тесно связана с культурами роменского типа и является их прямым продолжением. На территориях, лежащих к северу от Оки, появляются северские гидронимы, в частности реки Северка и Десна. Вновь освоенная территория четко соответствует территории вятичей, определенной А.В. Арциховским по материалам курганов XI–XIII вв.¹¹⁰ (см. Рис. 1 Г).

Реакция славянского населения на экспансию со стороны Руси нашла свое отражение и в некоторых деталях материальной культуры. Так, полностью исчезают погребения с элементами христианского обряда. Подкурганые погребения с большим количеством инвентаря еще долго сохраняются в славянских землях. Долее всего, вплоть до XIII в., погребения по языческим традициям известны в земле вятичей. Ренессанс язычества, очевидно, был ответом на давление христианской Руси. При этом язычество становится агрессивным, на что указывает убийство проповедника Кукши с учеником вятичами еще в начале XIII в.¹¹¹

В конце X в. происходит возрождение моды на лучевые кольца. Причем из всего разнообразия украшений, характерного для начала столетия, сохраняются лишь два типа. Они приобретают несвойственную для ранних типов функцию — становятся племенными маркерами. В земле радимичей распространяются подвески, прототипом которых послужили простые кольца с пирамидками псевдозерни без каких либо дополнительных элементов орнаментации. В Северской земле получают развитие кольца, лучи которых имели гладкий бордюр и полуарки в основании. Подобные кольца известны и в земле вятичей. Но здесь в XI в. были наиболее популярны кольца так называемого деснинского типа, а с рубежа XI–XII вв. — лопастные. Кроме того, в Северской земле широкое распространение получают проволочные S-видные кольца, в раннее время неизвестные.

Подчинение поделенной между тремя княжествами земли вятичей началось лишь в конце XI в. В своем Поучении Владимир Всеволо-

¹¹⁰ Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

¹¹¹ Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 494; Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. М., 1991. С. 142.

дович Мономах в качестве своего «труда» указывает, что «к Ростову идохь сквозе Вятиче». Позже, в конце 70-х гг. XI в., он же «в Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и сна его и ко Корьдну ходихь». Подчинение вятичей проводилось не столь радикальными методами. Следы пожаров отмечены лишь на крупных укрепленных поселениях, типа Тимофеевского, впоследствии летописной Волконы¹¹². Рядовые сельские поселения продолжают свое существование вплоть до XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001.

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X в. // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2.

Березовець Д.Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ, 1952.

Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). Воронеж, 1995.

Вознесенская Г.А., Куза А.В., Соловьева Г.Ф. Раскопки славянских памятников на р. Псел // АО 1971 г. М., 1972.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р.Х.). СПб., 1870.

Григорьев А.В. Городище у с. Хитцы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Тез. докл. Полтава, 1989.

Григорьев А.В. К вопросу о погребальном обряде северян VIII — начала XI в. // Питання археології Сумщини. Суми, 1990.

Григорьев А.В. Поселение X в. в пойме р. Тускарь // Тез. докл. Первой Сумской обл. научной историко-краеведческой конф. Сумы, 1990.

Григорьев А.В. О роменской и древнерусской керамике на левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.

Григорьев А.В. Укрепления городища у с. Горбово // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. Тез. докл. Чернігів, 1992.

Григорьев А.В. О границе Руси и Севера в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова: тез. докл. Чернігів, 1993.

¹¹²*Григорьев А.В., Шеков А.В.* Городище X–XI вв. С. 19–21.

- Григорьев А.В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.
- Григорьев А.В.* О финальном этапе волынцевских древностей // Стародавні Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.
- Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005.
- Григорьев А.В.* Об этнической принадлежности височных колец «деснинского типа» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005.
- Григорьев А.В.* О славянских землях Хазарского каганата // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб. 2009. (Труды Гос. Эрмитажа. XLIX).
- Григорьев А.В.* Лучевые серьги (височные кольца) культур роменского круга древностей // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2010. Вып. 5.
- Григорьев А.В.* Периодизация славянского поселения на городище у с. Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород, 2011. Т. II.
- Григорьев А.В.* Весы и гири города у с. Супруты // Материалы по истории и археологии России. Рязань, 2012. Т. II.
- Григорьев А.В., Шеков А.В.* Городище X–XI вв. в бассейне р. Упы // Тез. докл конф. «Археология юго-востока Руси». Елец, 1998.
- Григорьев О.В., Кулатова І.М.* Нові матеріали археологічних досліджень давньоруської Лтави (За розкопками 1990 р.) // Полтавський археологічний збірник 1999. Полтава, 1999.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого Великорусского языка. 1955. Т. I.
- Довженко В.И.* Землеробство древньої Русі. Київ, 1961.
- Енукова О.Н.* Позднероменское погребение из Лебяжьего // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тез. докл конф. Липецк, 1992.
- Енукова О.Н.* Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск, 2007.
- Зайцев В.В.* О топографии кладов куфических монет X в., обрезанных в кружок // Гос. Эрмитаж. Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г. Тез. докл. СПб, 1992.
- Изюмова С.А.* Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М., 1989.

Исюмова С.А. Супрутский клад 1969 г. // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 1.

Казаков А.Л. Радичевский курганный некрополь // Проблемы ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Тез. докл. Білопілья, 1994.

Калинина Т.М. Ал-хазар и ат-турк в произведениях средневековых арабо-персидских ученых // Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М., 2005. Т. 16.

Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980.

Коваль В.Ю. Поселение в устье Осетра близ Коломны // КСИА. М., 2001. Вып. 212.

Ковковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. Київ, 2005. Т. IV.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989 (Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы).

Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981.

Куник А.А., Розен В.Р. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Т. I.

Лев Диакон. История / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988.

Ляпушкин И.И. Славянское поселение на территории хутора Ближняя Мельница // МИА. М.-Л., 1958. № 62.

Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках волынцевского типа // СА. XXIX–XXX. М., 1959.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. М.; Л., 1958 (МИА № 74).

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1961 (МИА № 104).

Макаренко М.О. Городище Монастирище // Науковий збірник історичної секції УАН. Вип. XIX. Київ, 1925.

Макушиников О.А. Гомельское Поднепровье в V — середине XIII в. (Социально-экономическое и этнокультурное развитие). Гомель, 2009.

Мокляк В.О. Меч із Посулля // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Тез. докл. Полтава, 1990.

Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

Москаленко А.Н. Славяне на Дону. Воронеж, 1981.

- Мурашева В.В.* Супрутский клад (Из раскопок 1969 г.). Труды ГИМ. М., 2008. Вып. 175.
- Никольская Т.Н.* Земля вятичей. М., 1981.
- Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Петрашенко В.А.* Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.
- Петрашенко В.О.* Слов'янська кераміка VIII–IX ст. правобережжя середнього Подніпров'я. Київ, 1992.
- Плетнева С.А.* Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. № 75. М.; Л., 1959.
- Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Прошкин О.Л.* Славянское освоение территории Калужского края // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Калуга, 2003. Вып. 4.
- Прошкин О.Л.* Чертово городище. Калуга, 2011.
- Пушкина Т.А.* Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III. Вып. 16.
- Седов В.В.* Ранние курганы вятичей // КСИА. М., 1973. Вып. 135. Славяно-русские древности.
- Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. М., 1991.
- Сташенков Д.А.* Евразийская мода в эпоху раннего средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.
- Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975.
- Сухобоков О.В.* До питання про пам'ятки волинцевського типу // Археологія. Київ, 1977. Вип. 21.
- Сухобоков О.В.* Новые исследования древнерусского Путивля // АО 1979 г. М., 1980.
- Сухобоков О.В.* Роменская культура // Этнокультурная карта территории СССР в I тысячелетии н. э. Киев, 1985.
- Сухобоков О.В.* Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.
- Сухобоков О.В.* Дніпровське лісостепове лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992.
- Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

Толочко П.П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. // Древнерусские города. М., 1981.

Узянов А.А. Переверзевское II городище // АО 1980 г. М., 1981.

Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982.

Узянов А.А. Памятники роменской культуры на р. Тускарь // АО 1981 г. М., 1983.

Флёров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

Шпилев А.Г. Височные кольца Курского края (2-я половина VIII в. — 1-я половина XIII в.) // Верхнее Подонье: археология, история. Тула, 2009.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.

Hütte: Справочник для инженеров, техников и студентов. М.; Л., 1935. Т. II.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена изучению материальной культуры славянских земель, лежащим к востоку от реки Днепр. К ним относятся земли северян, радимичей и вятичей, а также район Верхнего Подонья, также освоенный славянами. Согласно русским летописям, эти образования, а равно и поляне на правом берегу Днепра, изначально платили дань Хазарскому каганату. С X в. началась экспансия против славян «киевской» Руси. К середине XI в. изучаемые территории вошли в состав Древнерусского государства, а окончательное их интеграция произошла лишь к началу XII в. В статье сделана попытка комплексной реконструкции этнической и социально-политической истории данного макро-региона на основе методов исторической и процессуальной археологии.

Ключевые слова: восточные славяне, северяне, вятичи, радимичи, поляне, Хазарский каганат, Русь, историческая археология, этноисторические реконструкции.

ABSTRACT

The article presents a study of the historical fates of the Slavic population east of the Dnieper, the Severiane, Radimichi, Vyatichi and the Slavs of the Upper Don region based on the investigation of their material culture. According to the Russian chronicles and archaeological data, these “tribes”, as well as the Poliani on the right bank of the Dnieper, were subordinated to, and paid tribute to, the Khazar Khaganate. In the 10th century the expansion of the “Kievan” Rus to the Slavic lands started and its material traces are burned and destroyed fortified sites and prototowns as well as the migration of a part of the Slavic population to the north-east. By the mid-eleventh century the area in the interfluvium of the Dnieper and Don populated by the Severiane and Radimichi became a part of the Old Russian state, though the final integration of the Vyatichi occurred only in the beginning of 12th century. The result of this study is a complex reconstruction of ethnic and socio-political history of the macro-region based on historical and procedural methods of archeology.

Key words: Eastern Slavs, Severiane, Radimichi, Vyatichi, Poliane, the Khazar Khaganate, Old Russian State, historical archeology, ethno-historical reconstruction.